

Саша Васильев:

Культура. - 1993. - 13 февр. - С. 5

Вдруг еще лучше стану?

«Одного художника Александра Васильева для этой страны вполне достаточно. Быть Александром Васильевым «номер два» я не захотел», — пошутил Саша на мой вопрос, почему от обеспеченной жизни и гладкой карьеры сына именитых родителей он уехал в Париж.

лоскутков в елизаветинском стиле». И уже через два месяца его пригласили в один из провинциальных театров художником.

За десять лет он объехал 28 стран, работал в четырнадцати. Оформлял «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». Мольера и Шекспира в знаменитейших театрах Европы. Он один из лучших специалистов по истории моды, преподает историю костюма в Королевском колледже в Лондоне, в Национальной высшей школе

изобразительного искусства при Королевской академии в Бельгии. Он работал в Бонне с Юрием Любимовым и рисовал в Париже костюмы для ролей Шарля Азнавура, Пьера Ришара.

А еще он собрал одну из самых богатых коллекций одежды — от кокошников XVIII века до сумочек и кошельков века XX.

— Все началось с находок на московских помойках. В конце 60-х годов, когда люди переезжали в «хрущобы», они

повыкидывали множество вещей — в маленькое комнатюшки ничего не влезало. Я давал объявления, что скупаю старинные платья, кружева, шляпы. Собираясь во Францию, все забрал с собой. И вывез очень легко! Платьями на таможне никто не интересовался — искали какие-то бриллианты, кресты, иконы...

Основную часть коллекции я собрал, конечно, за границей, на «блошинных рынках» и аукционах. На рынки хожу уже, как на работу, знаю — каждую неделю в субботу надо встать пораньше, чтобы найти на «развале» что-нибудь интересное.

Во Франции, например, попадают бисерные кошельки, платья, обувь. У многих потомков эмигрантов первой волны чемоданы так и стоят нераспакованными с начала века. Почему? Бабушка не велела. Зачем разбирать, если все надеялись вернуться в Россию года через два, как только революция угаснет. Никто из эмигрантов не уезжал навсегда. Одна семья все свои драгоценности сложила в сейф в Азовский банк и с собой в Париж только ключик от сейфа взяла! У внуков теперь этот ключик на стене в золоченой рамочке висит.

А в Турции — множество тульских самоваров. В Константинополь каждая семья бежала со своим самоваром. А когда вся эмигрантская неразбериха улеглась, русские осмотрелись и поняли — чай после обеда в саду здесь никто не пьет. По-

этому самовары начали продавать первыми.

Я не Нуриев и не Вишневакская — и доходы не те, и особняка для хранения коллекции нет, но около 3.000 экземпляров уже собрал. Сейчас приглашаю манекенщиц — в основном русских, из четвертой волны эмиграции — фотографироваться в этих костюмах. Пусть хоть у меня что-то зарабатывают. Среди них актрисы, певицы... Их на Западе никто не ждал — это знакомо и мне.

— Увлечение стариной помогает создавать костюмы!

— Да, я всегда делаю вещи «с традициями», люблю повторять утраченные рисунки. Для Королевского балета Шотландии оформлял «Раймонду» — пачку примадонны скопировал с рисунка Добужинского для Веры Немчиновой. Она была гениальной Раймондой в 1932 году. В мире ее мало знают, а здесь, в России, не знают вообще — так хоть в костюме сохранится память о ней.

— Рассказывая о своих постановках, вы очень часто добавляете: «Я хотел, чтобы было, как во МХАТе». МХАТ — неспетая песня!

— Наверное... Там работал мой отец. А я любил рассматривать фотографии мхатовских спектаклей начала XX века, все постановки 1904 года чуть ли не наизусть знал.

А еще там была академичность и тщательность работы — сейчас этого уже нет. Я видел сейчас один мхатовский спектакль: костюмы замечательны, но остальные детали... Почему-

то герой Олега Ефремова сидит на сцене и ест банан. А действие происходит в восемнадцатом веке. Но позвольте, в этом веке бананами просто так не лакомились, точно так же, как не употребляли, скажем, в веке шестнадцатом в пищу картофель — а украшали его цветными платьями. И баров в то время еще не существовало, с напитками, крутящихся, который в этом спектакле возвышался посреди сцены.

— С кем из наших режиссеров вы хотели бы работать!

— Скорее, не с кем, а где: в Большом театре, в Мариинском и в Художественном. Думаю, моя манера — во многом академичная, такой академической школы в Европе уже нет, растеряли — и мой профессионализм достигли уровня этих театров.

— А что не зовут к нам на постановки — обидно!

— Нет. Меня же в России многие режиссеры просто не знают, а кто-то не может пригласить — финансы не позволяют. Но я думаю: есть страны, куда поеду работать за деньги, потому что, кроме денег, делать там больше нечего. А для кого-то я с удовольствием оформил бы спектакли даром.

И еще: 34 года — не возраст! Мои знания, умения — продукты нескорпортующиеся. Подождите. Вдруг, когда года через три позвонят, я еще лучше стану?

Беседовала
Ю. ЮНИНА.